

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Hope is a good breakfast but it's
a bad dinner.

/Francis Bacon/ *

Рассмотрев некоторые наиболее общие черты, характеризующие русский народ как общность, мы подошли к моменту обобщений и некоторых выводов. Начнем их с определения - что же является основным в народе для всего человечества. Здесь нам поможет Петр Чаадаев:

"... значение народов в человечестве определяется лишь их духовной мощью... то внимание, которое они к себе возбуждают, зависит от их нравственного влияния в мире, а не от шума, который они производят". /II2, с.61/

Однако, по каким-то то ли экономическим, то ли политическим законам, Россия сейчас занимает явно не подобающее ей геополитическое положение. Многие, печально качая головой, говорят, что "с нами раньше считались", явно намекая на пошатнувшуюся военную мощь страны. Но ведь это-то и есть тот самый "шум", о котором говорил Чаадаев. По-видимому, здесь дело в чем-то другом. Вот что говорит Анри Бергсон:

"Мы не верим в фатальность истории. Нет такого препятствия, которое не могло бы быть сломлено волями, надлежащим образом настроенными... Таким образом, нет никакого неизбежного исторического закона". /3, с.317/

Следовательно, не количество ядерных боеголовок, а истинная воля, обратившаяся к возрождению былой духовной мощи России, способна вернуть стране то место, которое она по праву занимала. Россия вновь должна стать Россией Достоевского, Рахманинова и Менделеева, а не Россией, бряцающей оружием по всему земному шару. Роль мирового жандарма больше к лицу Америке, имеющей весьма скромный духовный багаж, но тем не менее ухитрившейся наводнить мировой культурный рынок своей продукцией, зачастую весьма сомнительного качества. Держать в руках культурный рынок - значит иметь рычаги воздействия на мировое нравственное развитие. А это крайне важно.

§ 29. Культура и религия в цивилизации. В ходе нашего исследования мы не раз касались роли культуры и религии в развитии цивилизации. Это, по существу, вопрос о том, какое место занимает мир духовности в той или иной цивилизации - вопрос совершенно другого рода, нежели вопросы о внешних признаках, отличающих одну цивилизацию от другой. Культура, по сути дела, - хребет цивилизации, на котором держится все, что ее составляет:

"Великая душа разворачивает свои внутренние возможности в виде народов, языков, вероучений, искусств, наук... Когда цель достигнута, и идея, т.е. всё изобилие внутренних возможностей, завершена во внешнем, тогда культура вдруг **з а с т ы в а е т**, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются - она становится **ц и в и л и з а ц и е й**". /I22, т.1, с.114/

* надежда - хороший завтрак, но плохой ужин /англ.-Френсис Бэкон/

Несмотря на некоторую двусмысленность приведенного выше фрагмента из шпенглеровского "Заката Европы", основное рациональное зерно в нем - то, что цивилизация есть застывшая культура. Культура же - не только хребет, или скелет цивилизации. Она еще и ее кровь, а в живом теле не может быть застывшей крови. Стало быть, если мы примем цивилизацию как нечто живое и находящееся в процессе развития, совершенствования, мы необходимо должны принять и культуру как нечто живое и движущееся. Сравнение с кровью дает нам наибольшее приближение.

Русская парадигма европейской цивилизации обладает всеми признаками самого высокого уровня развития именно благодаря русской культуре. В Европе найдется не более пяти народов, создавших культуру столь высокой степени совершенства /если не считать уже застывшие эллинскую и римскую/: это итальянцы, французы, англичане, немцы и испанцы. Наибольшего своего расцвета русская культура достигла непосредственно перед большевистским переворотом, затем резко замедлила свое развитие в силу известных нам объективных причин. Но все потенциалы в ней не могли не сохраниться даже в период господства шариковых над русским обществом. Дать ей сейчас толчок способны здоровые силы, представляющие сегодня русскую литературу и искусство, философию и науку.

Русская парадигма европейской цивилизации, несомненно, имеет христианский характер. И теперь, после семидесяти лет воинственного и насильственного безбожия, особенно важно, чтобы не повторилась трагическая дореволюционная ошибка - сведение религиозности к казенно-официальному православию. Перед нами достаточно много примеров религиозного мышления вне официальной Церкви - от Чаадаева до Соловьева и Бердяева.

Христианство стало не только духовной пищей русского народа - оно вошло в плоть народа, само стало плотью:

"Христианин, а теперь всякий культурный человек - христианин, не знает только физического голода, только духовной пищи. Для него и слово - плоть, и простой хлеб - веселье и тайна"
/50, т.2, с.168/

Запомним эти слова О.Мандельштама. Беря грех на душу, иные ставят знак равенства между православием и русской национальной идеей, как будто христианство сводимо к понятию нации, будучи на деле учением космополитичным. Но и в таком случае - об этом писал еще В.Соловьев - эти люди вынуждены искать примеры в русской сектантской среде, а не в официальной Церкви.

Давно уже было подмечено, что для русских в XVIII-XIX веках казенная Церковь была "учреждением византийским по происхождению и, благодаря Петру I, немецким по структуре". Заменявший Патриарха Святейший Синод был ничем иным как "департаментом духовных дел православного исповедания". Церковь со времен Петра и до конца XX века была фактически лишена независимости, подчинившись "власти кесаря", будь то император или Совет народных комиссаров.

Надо отдать должное наконец-то сменившему Синод в 1917 году Патриарху Тихону: у него хватило мужества возвысить свой голос в защиту веры. И тут же от Церкви откололась группа "живоцерковцев", заявивших о сотрудничестве с советской властью. Правда, вскоре необходимость в подобных лакеях отпала, т.к. вся Церковь постепенно смирилась с безбожной властью, и даже Тихон обратился к верующим с просьбой поддержать большевиков.

Думается, что в дальнейшем религиозная жизнь русского народа должна в большей мере иметь индивидуальный характер /конечно, обрядовая сторона без священнослужителей и церкви невозможна/, выражалась в светских формах кружков, семинаров и прочих добровольных акций.

Так или иначе - действовать должно. Только действие нанесет удар по бездуховности.

Народ, создавший высокого уровня христианскую культуру, может жить лишь в условиях свободы. На уровне личности - просвещенный христианин способен к творческому труду и полноценной жизни только в условиях свободы. Поэтому свобода человека и свобода общества органически связаны с культурой и религией, как они проявляются в русской парадигме европейской цивилизации. В разгар самой кровавой в истории человечества войны, в 1944 г., русский философ и политолог Георгий Федотов посвятил статью именно свободе /"Рождение свободы"/:

"Все народы призваны к христианству. Всякий человек в большей или меньшей степени способен к научному мышлению. Но не все признают каноны греческой красоты. Все ли народы способны признать ценность свободы и осуществить ее?" /99, №4/

То, что Федотов задался таким вопросом, понятно: он покинул Россию в тот момент, когда русский народ с кровавым энтузиазмом заменял несвободу самодержавия на рабство коммунизма. Но слишком страшную цену заплатили русские за свой инфантилизм: десятилетия "единогласия", "единомыслия" и "одобрямса" на фоне жестоких репрессий, наложившись на десятилетия маразматического "застоя" в результате не могли не привести к принятию западной модели свободы, тем более, что, как бы несовершенна она ни была, другой просто не существует. Надо только научиться разумно пользоваться ею и органически сочетать ее с христианством и национальной культурой.

§ 30. Основные черты русской парадигмы европейской цивилизации.

Русская парадигма европейской цивилизации начала формироваться с созданием древнерусского государства. Конечно, множество национальных особенностей существовало у восточнославянских племен и до их объединения. Так, в персурской летописи Нестора /начало XII века/ есть рассказ о посещении апостолом Андреем местности, где впоследствии появился Великий Новгород и жило племя словен. Словене так поразили Христова ученика своим обычаем хлестать себя в бане, что он долго еще потом рассказывал об этом и варягам, и римлянам:

"И приде в словене, идеже ныне Новгород, и виде ту люди супая, како есть обычай им, и како ся мють и хвощутся, и удивися им. И иде в варяги, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде". /"Повесть временных лет"/

Естественно, глубинные цивилизирующие процессы банькой не исчерпываются. Почти два века можно смело исключить из истории становления русской парадигмы, если не считать фактов заимствований русскими явлений татарской культуры. А поскольку их было не так много /из менее развитой культуры более развитая много взять не может/, то и говорить почти не о чем.

Рост Русского государства после освобождения происходил стремительно; русский народ расселился на обширнейших территориях. При этом интересное сравнение мы находим у Федора Тютчева, подчеркнувшего одну из черт русской парадигмы: объединяя Германию, канцлер фон Бисмарк говорил, что это делается "железом и кровью" - и действительно, понадобились три войны, чтобы завершить этот процесс. Тютчев же противопоставляет этому русский пример. В стихотворении 1870 года он пишет:

"Единство, - возвестил оракул наших дней, -
Быть может спаяно железом лишь и кровью".
Но мы попробуем спаять его любовью, -
А там увидим, что прочней".
/"Два единства"/

Несомненной отличительной чертой, неизвестной другим нациям, является настойчивое стремление русских к "соборности" и, как следствие, почти полное отсутствие ярко выраженного индивидуализма. Славянофилы под этой "соборностью" /или "кафоличностью"/ понимали внутреннюю полноту и н о ж е с т в а, собранного силой любви в свободное органичное е д и н с т в о, характеризующее природу Церкви, человека, общества, познания и творчества.

Еще одна черта - врожденная неспособность к господству над другими народами, что бы там сейчас ни кричали о царском и советском империализме. В революционные дни 1917 года, в "Апокалипсисе нашего времени", Василий Розанов писал:

"Мы, как и евреи, призваны к идеям и чувствам, молитве и музыке, но не к господству. Овладели же к несчастью и пагубе души и тела 1/6 частью суши. И, овладев, в сущности, испортили 1/6 часть суши. Планета не выдержала и перевернула всё". /75, с.91/

Из неспособности к господству вытекает сравнительно широко распространенная толерантность. Русские в массе своей терпимы и к другим народам, и к другим вероисповеданиям; черносотенцы в начале XX века и баркашовцы в конце XX века - исключения, идиотическая насмешка над миролюбивым русским характером. Но - насмешка знаменательная!

Религиозность, как одна из определяющих черт русской парадигмы, не требует особых доказательств. О корнях же в русской религиозности атеизме со всеми признаками особой религии мы уже говорили /см. § II/. Даже многочисленные секты, возникшие из православия, - косвенное подтверждение тезиса о религиозности русских: казенная Церковь не удовлетворяла какую-то часть народа - и появлялись строгольники /XIV в./, жидовствующие /XV в./, духоборцы, хлысты, скопцы, молокане, субботники, прыгуны. Все они были готовы даже претерпевать даже гонения ради удовлетворения своего религиозного чувства.

Одна из самых важных черт русской парадигмы - необычайно высокий статус культуры в структуре самой парадигмы. В английской, французской, германской парадигмах этот статус тоже достаточно высок; но англичане, например, очень высоко ставят юриспруденцию /право/, политику, спорт, а для русских они, конечно же, существуют, но не настолько весомы. Для иллюстрации достаточно вспомнить о той роли, которую играла русская литература в XIX веке: ее статус в жизни России был высок, как нигде и никогда. В ней были и право, и политика, и философия, и теология... Почти одновременно появлялись гениальные творения Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого - такой "плотности населения" талантов не знала ни одна страна, кроме, пожалуй, Италии, где почти одновременно творили Леонардо, Микеланджело, Рафаэль, Тициан и Перуджино.

Черта, похвалы не достойная - почти полное отсутствие иммунитета к чужим /да и своим собственным/ трагическим ошибкам. Тяжело пережил Запад период первоначального, "дикого" капитализма - нет, мы ринулись именно туда же. Погулял Стенька по Дону, положил головушек казацких без счета, да и свою собственную - нет, объявляется Емелька, и снова головушки летят наземь...

Черта вполне положительная - переимчивость. Как бы ни были глубоки корни патриархальщины, но интересное, полезное, новое, пусть даже заморское, - приживается. Русские открыты для нового, да и сами охочи новинки создавать. Имея как раз это в виду, изложим точку зрения Константина Кавелина, который еще в 70-80-х гг. XIX века предсказывал органичное и безболезненное вхождение России в Европу. Он считал, что раз Россия и Запад развивались путями, пусть и противоположными по форме, но тождественными по цели, задачам, стремлениям, то закон исторического развития русского общества заключается в постепенном укреплении начала л и ч н о с т и и постепенном же

упадке патриархального начала о б ш и н и , в исчерпании исключительно национальных элементов в пользу общеевропейских, наднациональных - и в конечном сближении России с Западом.

§ 31. Русская парадигма как часть мировой цивилизации

О роли культуры в становлении и развитии цивилизаций сказано уже немало, в том числе и на страницах этого эссе. В наше трагическое время она еще более возрастает. Еще Зигмунд Фрейд в книге "Цивилизация и недовольные ею" предупреждал, что только культура может нейтрализовать психические расстройства общества, коренящиеся в инстинктах агрессии и самоуничтожения. А сегодня эти инстинкты обострены до крайности:

"Люди располагают такой властью в своем господстве над силами природы, что, пользуясь ею, легко могут уничтожить друг друга вплоть до последнего человека. Они это знают - отсюда возникает значительная доля их теперешнего беспокойства, их уныния, их мрачного предчувствия". /108, с.801/

Если в этом контексте говорить о месте русской культуры в мировой цивилизации, то оно весьма достойно. С тех пор, когда даже официально русская эмиграция была признана частью русского народа, наше искусство, литература, философия и наука прочно закрепились на лидирующих позициях в мире. В некоторых областях искусства /музыка, балет, монументальная скульптура/, науки /астрофизика, квантовая электроника, физика полу- и сверхпроводников/ и философии /религиозная антропология// русские просто не знают себе равных. Конечно, в истории любое "могло бы быть" - чистейшая профанация, но трудно удержаться от предположения, какого расцвета достигла бы русская культура, не будь семидесяти лет господства шариковых.

Но эти десятилетия все-таки были. А корни этого печального хода событий были вскрыты еще в знаменитом афоризме Петра Чаадаева:

"Во Франции на что нужна мысль? - чтоб ее высказать. - В Англии? - чтоб привести ее в исполнение. - В Германии? - чтоб ее обдумать. - У нас? - Ни на что!" /110, с.171/

Это метко охарактеризованное Чаадаевым безразличие к мысли имело в XIX веке две исходных точки: серые народные массы и самодержавный establishment*. И это, как точно подметил мыслитель, - одно из главных отличий русской парадигмы от других.

Второе негативное отличие - уже достаточно подробно рассмотренное нами наличие особой общественной группы, интеллигенции, народопоклонство которой не только развратило русский народ, но и ввело его в катастрофу революции. Равноудаленная от народа и от самодержавного истеблишмента, именно интеллигенция была той почвой, на которую падала, чаще всего заимствованная, мысль - не нужная "ни на что" всем остальным. Эта мысль деформировалась и служила источником вздорных идей, реализованных впоследствии шайкой авантюристов-большевиков.

В определенном смысле это тоже вклад русского народа в мировую цивилизацию - неопределимый для нее и трагический для России. Выше уже упоминалось высказанное Бисмарком пожелание, чтобы какая-нибудь страна произвела на себе опыт применения коммунизма - с надеждой, что вторично производить такой опыт уже ни один народ не пожелает. Вот русский Иван-дурак и произвел такой опыт, блестяще подтвердив мрачное предсказание Чаадаева, что мы существуем в этом мире только для того, чтобы дать этому миру какой-нибудь важный урок./см. цитату в § 4/. И вот урок дан, в том числе и самой революционной интеллигенции. История наказывает инфантильный экстремизм, неспособность воспринять

* истеблишмент /англ./, основания, установления; правящие и привилегированные круги

идеи либеральной эволюции общества, о чем справедливо указывал в книге "Социология революции" /1925/ Питирим Сорокин:

"Общество, которое не знает, как ему жить, которое не способно развиваться, постепенно реформируясь, а потому вверяющее себя горнилу революции, вынуждено платить за свои грехи смертью доброй частью своих членов". /90, с. 294/

Однако место русских в мировой истории не исчерпывается двумя - пусть и важнейшими элементами /культурным вкладом и негативным примером/. Нельзя не отметить примеры высокого личного героизма русских в годы всемирной борьбы с германским нацизмом; нельзя не отметить и примеры личного героизма лучших представителей народа в противостоянии с коммунизмом /А. Сахаров, А. Солженицын, В. Буковский и др./.

В области материальной культуры достойный вклад внесен русскими в нескольких /правда, не слишком многочисленных/ отраслях: в космической и военной технике, в гидростроительстве и металлургии, в технологиях добычи полезных ископаемых и разработке некоторых видов медицинской техники etc.

В области культуры духовной, кроме уже приведенных примеров, вспомним также такие черты русского народа, как сравнительно невысокая степень меркантилизма, иммунитет перед экстремистскими националистическими инстинктами, религиозная толерантность, отсутствие крайних форм индивидуализма, доходящего до *misanthropia**, глубоко укорененное в сознании /а чаще бессознательное/ эсхатологическое чувство.

Вместе с тем, нельзя забывать и о таких двух негативных чертах, склонность к мессианству /как и у евреев/, подспудное ожидание какой-то особой, глобальной миссии для своего народа - это во-первых. Во-вторых, почти бессознательная склонность к вождизму, правда, у молодежи уже редко встречающаяся.

В бытовом плане, к сожалению, русские ничего особенного не представляют. Общеизвестны их склонность к пьянству, отсталость в семейной этике, невысокая степень аккуратности, почти поголовное отсутствие вкуса /в одежде, обстановке жилища, выборе косметики/ и невежественность в области правил этикета. Все эти "плюсы" и "минусы" русского народа, *voiens-potens*, уже вошли в мировую цивилизацию, как качества одного из ее компонентов, каковым русская парадигма и является.

§ 32. Пути развития русской парадигмы мировой цивилизации

Похоже, перед русским человеком уже не маячит дилемма: Запад или Восток?

Сама история, с не очень активным участием русского народа, определила - все-таки не Восток. Даже отец Сергей Булгаков, несомненно, испытавший сильное влияние славянофильства, да еще и представитель официального православия, так вкратце описывает историю русской культуры в статье "Героизм и подвижничество":

"Вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация, т.е. просветительство, материализм, атеизм, социализм - вот несложная философия истории среднего русского интеллигента. Поэтому в борьбе за русскую культуру надо бороться, между прочим, даже и за более углубленное, исторически сознательное западничество". /16, с. 54/

Что же значит - сознательное западничество? По всей видимости, нам, которым интеллигенты XIX века и коммунисты XX века вдолбили в мозги такую "национальную черту", как чувство социальной справедливости, надо попытаться от этой черты избавиться. Надо приучить себя к мысли, что зависть - это грех, что не каждый богат - вор, что классов в коммунистическом понимании не существует. Пьер Тейяр де Шарден писал:

* мизантропия /греч./, человеконенавистничество

"Старая марксистская противоположность между производителями и потребителями отжила свой век... то, что сегодня разделяет людей на два лагеря, это не классы, а дух - дух движения". /94, т.5, с.174/

Именно дух - то, чего так не хватает всем нам. Западу, между прочим, - в первую очередь. Не проще ли было бы возвратиться к аристократии - не как к "пережитку феодализма", а как к идее естественного разделения общества? В том именно духе, который подразумевал Артур Шопенгауэр, когда писал:

"Есть три вида аристократии: 1/аристократия рождения и ранга, 2/денежная аристократия, 3/аристократия духовная.

Последняя, собственно говоря, самая почетная, да она и будет признана такой, - для этого нужно только время". /118, с.303/

Интересно, что далее немецкий философ замечает, что аристократы трех видов окружены завистниками, в то время как между собой они уживаются "прекрасно и без зависти".

Продолжая тему "сознательного западничества" уже на уровне духовной аристократии, хотелось бы выразить надежду, что когда-нибудь философия будет поднята на достойную высоту, подобную той, на которую ее возносит Платон в диалоге Дмитрия Веневитинова "Анаксагор". Рассказывая Анаксагору о своей Республике, Платон говорит, что в ней нет места поэту, который

"...наслаждается в собственном своем мире, которого мысль... уклоняется от цели всеобщего усовершенствования. Поверь мне, Анаксагор: философия есть высшая поэзия".

Таким образом, выбор пути развития русской парадигмы практически уже совершен, и совершен он в пользу европейской, христианской цивилизации, обогащенной тем, чем богат русский народ и, следует надеяться, соответственно видоизмененной навстречу русской культуре. В уже упомянутой /§ 30/ статье Георгия Федотова помещена своеобразная "программа", с помощью которой политолог надеется, с одной стороны, "одухотворить" Запад, т.е. приблизить его к русскому мироощущению, а с другой стороны, надеть "намордник" на нацизм /напомним, статья писалась в 1944 году/:

"В тех странах, которые сейчас являются ведущими в борьбе за демократию, христианские корни свободы еще живы... Для ее новой победы и для дальнейшего роста и укрепления ее в мире необходим ряд условий. Вот важнейшие из них:

1. Возрождение в мире абсолютного, т.е. религиозного начала, которое могло бы ограничить, обуздать все относительные - праведные и неправедные - притязания государства.
2. Раскрытие этого абсолютного начала как религии личности и свободы.
3. Ограничение суверенитета национал-социалистического государства сверху - международным принудительным союзом, снизу - федеративными и автономно-групповыми образованиями." /99/

Всеобщая тенденция глобализации коснулась не в последнюю очередь и культуры. В XXI веке даже, как казалось бы, невинные популяризации отгородиться от мира ширмочкой "национального своеобразия" натолкнутся на ледяную стену всемирного непонимания и на недоумение отечественной молодежи. Сейчас мирно сосуществуют, взаимодействуют, обогащают друг друга - но и взаимоотталкиваются цивилизации европейская, мусульманская, азиатская, индийская, африканская и индейская. Каждая из них имеет право на существование и развитие, даже в свете всемирного процесса сближения.

Русская парадигма европейской цивилизации, тоже вовлеченная теперь в процесс глобализации, вступила в него не с пустыми руками. С крахом коммунизма русский народ возвратился в лоно человечества и тем самым обогатил его своими достижениями. Впрочем, Пушкин и Чайковский так уже принадлежали всему миру, вне зависимости от воли правителей. Но есть и нечто большее, о чем прекрасно говорил Федор Михайлович Достоевский 8 июня 1880 года на празднествах в честь открытия памятника А.С.Пушкину в Москве:

"Для настоящего русского Европа и удел всего арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей... а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!"

Будучи в своей основе христианской, русская парадигма законно занимает свое место именно в европейской, христианской по происхождению, цивилизации. С кем, как не с европейскими народами, суждено нам противостоять Антихристу и всей сущности своей, всем духом своим тянуться к Слову, "которое стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины"? Ибо как ни уютен, как ни тепел строящийся христианами общеевропейский дом, он есть все-таки "град земной", на ярко освещенных и нарядных улицах которого "Град Небесный" обречен на бездомность и странничество.

А кто, как не русский человек, знает все тяготы бездомности и странничества? Не его ли это задача - показать европейским братьям пример истинной духовной общности, основанной на любви к Богу и человеку - тот самый Град Божий, о котором мечтал и писал Августин Блаженный, то самое Богочеловечество, о котором мечтал и писал Владимир Соловьев. Мы должны к нему прийти единой европейской, единой христианской семьей. Братья во Христе в нынешнюю тяжкую, трагическую эпоху, мы останемся братьями во Христе и в светлый час торжества Царства Божьего.